

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

О.В. Окунева

ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ
XVI – НАЧАЛА XVII в.

УДК 94(44).35/.04

В статье исследуются случаи предательства – единоверцев, соотечественников, союзников, – виновниками или жертвами которого становились французские колонисты в Бразилии XVI – начала XVII в. Рассматриваются обстоятельства, связанные с “предательством веры” Н.Д. де Вильганьона, основателя первой французской колонии в Бразилии, а также история перебежчика Ж. Коинты, перешедшего на сторону португальцев и способствовавшего падению колонии своих соотечественников. Отдельное внимание уделяется вопросу о месте предательства в отношениях французов и их индейских союзников в Бразилии.

Ключевые слова: предатели, предательство, Франция, Бразилия, “Антарктическая Франция”, Н.Д. де Вильганьон, Ж. Коинта, индейцы Южной Америки.

Key words: traitors, betrayal, France, Brazil, “Antarctic France”, N.D. de Villegagnon, J. Cointa, Amerindians.

На протяжении нескольких десятилетий XVI в. часть атлантического побережья Южной Америки, вошедшая в дальнейшем в состав Бразилии, представляла собой арену, где столкнулись интересы нескольких европейских держав¹. Португалия, заявляя претензии на Бразилию по праву первооткрывателя, с начала XVI в. уделяла не слишком много внимания своей американской колонии, сосредоточившись на Ост-Индии, экспорт товаров которой представлялся намного более выгодным делом. Этим обстоятельством воспользовались французские мореплаватели и купцы, отправлявшиеся в Бразилию с торговыми и военными экспедициями. “Страну красного дерева”, получившую имя по названию ценного дерева *paу бразил*, они регулярно посещали до первой четверти XVII в., основав там несколько колоний (но не сумев в дальнейшем их удержать).

История французского присутствия соткана из эпизодов военных стычек и мирного сосуществования; в ней были примеры рыцарского вызова на поединок и ударов из-за угла, верности долгу и предательства. Некоторые обстоятельства подчас оставались невидимыми для сильных мира сего, а некоторые имели громкий

резонанс. Всё это в полной мере относится к случаям предательства – единоверцев, соотечественников, союзников, – виновниками или жертвами которого становились французы в Бразилии. Историям некоторых из них и посвящена эта статья.

НИКОЛЯ ДЮРАН ДЕ ВИЛЬГАНЬОН:
“НАШ ВЕРНЫЙ ШЕВАЛЬЕ” ИЛИ “КАИН АМЕРИКИ”

В ноябре 1555 г. французские корабли под командованием мальтийского рыцаря и вице-адмирала Бретани Николя Дюрана де Вильганьона вошли в залив Гуанабара (у современного г. Рио-де-Жанейро), где была основана колония под названием “Антарктическая Франция”. Но поселение просуществовало недолго: Вильганьон, поначалу проявлявший симпатию к протестантизму и даже обратившийся к Кальвину с просьбой прислать ему проповедников, изменил свое мнение о “реформированном культе” и вернулся в католичество. Это решение, ставшее для добравшихся из Швейцарии и Франции кальвинистских проповедников настоящим предательством их веры, ослабило “Антарктическую Францию”, а отъезд главы колонии в Европу за подкреплением и вовсе оставил ее без защиты перед лицом португальцев: племянник Вильганьона, оставленный им в качестве заместителя, не обладал военными талантами своего дяди. Французская крепость оказалась в руках португальцев, а уцелевшие протестанты, частью рассеявшиеся среди индейских союзников французов, частью сумевшие вернуться на родину, стали самыми беспощадными обличителями “предателя” Вильганьона. Кем же был этот человек?

Николя Дюран (имя Вильганьон он получил позже, когда вступил во владение небольшой одноименной деревней)² родился в 1510 г. в городе Провен недалеко от Парижа, в семье королевского прокурора. Решив избрать традиционную для его семьи карьеру юриста, он изучал право³, однако затем резко сменил сферу деятельности, вступив в 1531 г. в духовно-рыцарский орден Св. Иоанна Иерусалимского (незадолго до этого император Священной Римской империи Карл V пожаловал ордену остров Мальта в обмен на обязательство защищать его от турок, после чего за орденем укрепилось новое название – Мальтийский).

На протяжении 40-х годов XVI в. Вильганьон участвовал в алжирском походе Карла V, целью которого было подчинение Алжира для усиления контроля над Средиземным морем (1541)⁴, а

также сражался в рядах императорской армии против турок в Венгрии⁵. Одним из самых дерзких его предприятий стала шотландская экспедиция 1548 г., в ходе которой он командовал галерами, прорвавшими английскую блокаду и доставившими из Шотландии малолетнюю Марию Стюарт для помолвки с наследником французского престола Франциском II⁶. Здесь Вильганьон выступал уже не как мальтийский рыцарь, подчиняющийся Папе Римскому и императору Священной Римской империи, а как французский подданный. В этом же качестве он командовал галерами во время осады французами удерживаемой англичанами Булони в 1548–1549 гг. и выполнял поручения французского короля Генриха II в Бретани в 1552–1554 гг. За разработку плана фортификаций и улучшения состояния артиллерии г. Бреста Вильганьон получил титул вице-адмирала Бретани⁷.

Таким образом, к 1555 г. Вильганьон приобрел значительный опыт в военной сфере. Благодаря такой репутации, а также протекции адмирала Гаспара Колиньи, Генрих II назначил его командующим экспедицией, отправляющейся в Бразилию для основания колонии. Сохранилось распоряжение короля Счетной палате о выделении 10 тыс. турецких ливров на “расходы, необходимые для одного предприятия, которое мы никак не хотим определять и разглашать и которое нами поручено нашему верному шевалье Вильганьону, вице-адмиралу Бретани...”⁸.

Был ли Вильганьон протестантом до отплытия в Бразилию? Ответ на этот вопрос в значительной мере определяет, считать ли его предателем гугенотов в заливе Гуанабара. Мнения о религиозных взглядах вице-адмирала до начала бразильской экспедиции расходятся. Наиболее распространенная версия событий восходит к утверждениям протестантских авторов XVI в., более чем пристрастно относившихся к “предателю истинной веры” и склонных преувеличивать степень симпатии Вильганьона к “реформированному культу”, чтобы ярче оттенить всю глубину его падения. Так, Жан де Лери, приехавший в Бразилию вместе с кальвинистскими проповедниками и описавший события 1555 г. двадцать лет спустя, утверждал, что Вильганьон распространял слухи о создании заокеанского убежища для гонимых во Франции протестантов, что снискало ему поддержку видных деятелей реформированной церкви и Колиньи⁹. Интересно, что в ранней версии событий (1561 г.) участие Колиньи не упоминается, но говорится об убежище от преследований, хотя читателю дают по-

нять, что для Вильганьона это было не более чем обещанием, которое он не собирался выполнять¹⁰.

Точка зрения, согласно которой именно поддержка Колиньи стала решающей в деле основания “Антарктической Франции”, в дальнейшем была всесторонне развита французскими историками, отмечавшими, что колония в Бразилии могла бы быть не только убежищем для гугенотов, но и плацдармом для распространения протестантизма, и это подорвало бы монополию католических Испании и Португалии в деле обращения индейцев в христианство¹¹; что бразильская колония Франции могла бы стать для метрополии примером мирного сосуществования католиков и протестантов¹²; что предприятие Вильганьона, наряду с протестантскими колониями начала 1560-х годов в Канаде и во Флориде, являлось частью “великого атлантического плана Колиньи” по созданию за океаном убежища для гугенотов¹³.

Оппоненты подобной точки зрения указывают на то, что французская Реформация к середине XVI в. была еще достаточно расплывчатой в доктринальном плане, о чем свидетельствуют нередкие переходы католиков в стан протестантов и обратно. Это не позволяет характеризовать предприятие Вильганьона как исключительно протестантское и порождает сомнения в том, что вице-адмирал к началу 1550-х годов сделал осознанный выбор в пользу протестантизма. При таком подходе среди мотивов, обусловивших создание заморской колонии, приоритет отдается военно-стратегическим соображениям (поощрение уже имеющегося французского присутствия в регионе и создание плацдарма для давления на Португалию, а также для продвижения к Рио-де-Ла-Плате)¹⁴. То обстоятельство, что большую часть своего пребывания в Бразилии Вильганьон был поглощен сооружением форта, о чем говорят все побывавшие в колонии, свидетельствует в пользу такого предположения. В рамках данной гипотезы выбор Вильганьона в качестве главы экспедиции обусловлен не его симпатиями к протестантизму, а солидным послужным списком и опытом возведения фортификаций.

Прибыв в Бразилию, вице-адмирал начинает обустройство французской колонии на острове в заливе Гуанабара, чтобы обезопасить себя от возможного нападения как португальцев, так и индейцев. Ценой значительных усилий возводится форт и устанавливается весьма строгая дисциплина для колонистов, что порождает недовольство и создает питательную почву для заговоров¹⁵. Одновременно с этим Вильганьон обращается к Кальвину

с просьбой прислать проповедников “для него и его людей”, и на этот призыв откликается группа протестантов из Швейцарии и Франции. Они приезжают в Бразилию в марте 1557 г., находят радужный прием, но вскоре после этого в колонии разгорается теологическая дискуссия о сущности евхаристии, в ходе которой Вильганьон встает на позиции католических теологов, что оказывается неприемлемым для вновь прибывших¹⁶. Окончательный разрыв вице-адмирала с протестантами вынуждает их покинуть колонию и дожидаться попутного судна, чтобы возвратиться в Европу. Несколько гугенотов, не выдержав лишений и утраившись плаванья на весьма ненадежном судне, решают вернуться к Вильганьону, но тот приговаривает их к смерти по подозрению в шпионаже и предательстве. Для протестантских авторов второй половины XVI в. трое казненных становятся первыми мучениками за веру¹⁷, а к списку преступлений Вильганьона добавляется еще одно.

Тот факт, что атака португальцев против “Антарктической Франции” в 1560 г. пришлось на время отсутствия Вильганьона, решившего вернуться в Европу, чтобы лично убедить королевскую администрацию в необходимости послать подкрепления, сыграл не в пользу вице-адмирала. Даже некоторым католикам по прошествии времени это решение казалось спорным¹⁸. Кроме того, усилиями протестантских авторов была начата настоящая памфлетная война против “предателя” Вильганьона, а его усилия по организации католической миссии для поддержки колонии в заливе Гуанабара остались в тени¹⁹.

Интересно, что среди обвинений Вильганьона основным было не падение “Антарктической Франции” (так, в 1560 г. Франциск II продолжает называть вице-адмирала “нашим генеральным наместником в упомянутом завоевании” [выше в том же документе уточняется, что речь идет об “определенном крае в Бразилии, который позже был назван Антарктической Францией”. – *О.О.*]²⁰), а именно предательство веры. Масла в огонь подлило и то обстоятельство, что по возвращении во Францию Вильганьон встал на сторону Гизов, злейших врагов гугенотов, и активно включился в дискуссию с протестантами, обращая против них как перо, так и оружие в гражданской войне²¹. Произошедшее в Бразилии для обеих сторон стало поводом для взаимных обвинений, причем тон публикаций как из одного, так и из другого лагеря постепенно меняется. Если в 1560 г. Вильганьон издает “Обращенный к христианам ответ Николя Вильганьона, мальтийского рыцаря, на кальвинистские положения о традициях и таинстве причастия,

обнародованные проповедниками в Антарктической Франции”, то в 1561 г. он уже вынужден написать “Ответ читателю-христианину на пасквили, публикуемые на шевалье де Вильганьона”. А вот названия некоторых сочинений его оппонентов: “Разнос Никола Дюрану...”, “Чванство мэтра Кола Дюрана...”, “Опровержение безумных выдумок и отвратительного богохульства, ошибок и лжи Николя Дюрана, который называет себя Вильганьоном...”, “Краткий рассказ о скорби и рассеянии общины верных в Бразилии”²². Распространялись летучие листки, где Вильганьона изображали в виде Полифема или короля каннибалов²³; его обвиняли в предательстве, клевете, каннибализме²⁴, обжорстве²⁵ и корыстолюбии, трусости, распутстве (последнее обвинение считал нужным опровергнуть даже идейный оппонент Вильганьона Жан де Лери²⁶). Среди прочих нелестных эпитетов за Вильганьоном закрепляется прозвище “Каина Америки”.

Если протестантская партия действовала единым фронтом, то голоса в поддержку Вильганьона оставались изолированными. В 1585 г. на защиту главы “Антарктической Франции” попытался встать Андре Теве, побывавший в Бразилии в 1555 г. вместе с Вильганьоном, но его “История двух путешествий в южные и западные Индии”, содержащая специальный раздел “Ответ на клеветнические памфлеты, опубликованные против шевалье де Вильганьона”²⁷ осталась неизданной; к тому же Теве к этому времени проигрывает в полемике с протестантами (и в первую очередь с Жаном де Лери), так что его свидетельства во многом дискредитированы. Еще до этого за прежние благожелательные отзывы о Вильганьоне досталось поэту Пьеру де Ронсару; в стихотворении “Упреки народу Франции” (конец 1562–начало 1563 г.) он обыгрывает это обстоятельство и представляет себе, что скажут о нем гугеноты: “Ну ничего, он свое скоро получит, как и Вильганьон, которому не поздоровилось схлестнуться с великим Кальвином”²⁸. А вот как к Ронсару обращается анонимный протестантский автор: “Неужели памятный пример шевалье Вильганьона, который за меньшую или схожую провинность оказался превращенным в старую мартышку²⁹, ничему тебя не научил?...”³⁰

Интересно, что почти сразу после перехода Вильганьона в стан католиков высказывались мнения, что и в этом качестве его можно использовать на благо Франции: всех подобных ему “папистов” нужно изгнать из страны и отправить завоевывать новые земли³¹. Однако затем в развитие этого “колониального дискурса” протестанты стали подчеркивать предательство Вильганьона не

только перед Богом, но и перед королем Франции: завоевание, предпринятое его именем, оказалось потерянными. Так, третьему и четвертому изданию “Истории одного путешествия в Бразилию” Жана де Лери (1585 и 1599 гг.) было предпослано сразу несколько стихотворений, развивающих данный тезис: предатель Вильганьон лишил Францию Бразилии, но перо Лери позволило хотя бы частично принести утешение в этой потере³². Лери, действительно, еще с первого издания своей книги (1578 г.) утверждал, что, если бы Вильганьон остался протестантом, колония насчитывала бы до 10 тыс. человек; по его словам, гугеноты уже снаряжали экспедицию в Бразилию численностью до 700–800 человек, однако те, кто вернулся из колонии, рассказали о том, что там происходило, и планы экспедиции расстроились³³. В свою очередь Вильганьон в письме Колиньи (вошедшем в его сочинение “Спорные вопросы, возникшие между шевалье Вильганьоном и мэтром Жаном Кальвином”) подчеркивал “ущерб и потери, понесенные из-за проповедников этой доктрины, помешавших моему предприятию в Бразилии, которое, как Вы знаете, так успешно начиналось и которое стоило мне и моим людям больших усилий и затрат”³⁴.

Среди мотивов, связанных с разработкой темы предательства Вильганьона в протестантской лирике, отметим еще один: измена “реформированному культу” со стороны вице-адмирала трактуется как испытание, посланное укрепить избранных. Так, в сонете, сопровождающем “Историю одного путешествия” Лери с первого издания 1578 г., “ярость Вильганьона”, “ложь Теве” и гражданская война между французами рассматриваются как препятствия, задержавшие выход в свет книги Лери, но, делает вывод автор, порой и несчастья выковывают дух и тем самым оказываются во благо³⁵. Подобную идею развил сам Лери в “Сонете автора”: поэтапное преодоление опасностей служит ему доказательством его избранности, за что он и благодарит Творца³⁶.

На фоне яростной критики Вильганьона его соотечественниками удивительно обнаружить сдержанную, а порой и хвалебную оценку со стороны португальцев. Конечно, так было не сразу: в 1560 г., непосредственно до и сразу после захвата “Антарктической Франции” видный деятель иезуитской миссии в Бразилии Мануэл да Нобрега не жалеет красок, чтобы описать опасность, которую представляет Вильганьон (он якобы называет себя вице-королем Бразилии и угрожает перейти на сторону Великого Турка, если Генрих II не пришлет подкреплений). Со своей стороны, генерал-губернатор Бразилии Мем де Са призывал королеву-ре-

гентшу Португалии Катарину основать город в заливе Рио-де-Жанейро, иначе французы станут неуязвимыми и слова Вильганьона о том, что его не изгонит и Великий Турок, станут реальностью³⁷. Интересно, что весьма чуткие к малейшему признаку “ереси из Ла-Рошели” (т.е. протестантизму) португальские иезуиты, бывшие свидетелями взятия “Антарктической Франции”, ни словом не обмолвились о существовавшей когда-то у Вильганьона симпатии к учению Кальвина; вся их антигугенотская риторика направлена против французских колонистов, но не против их руководителя.

Уже в 1563 г. в письме португальского посла во Франции Жоау Перейры Дантеша королю Себастьяну, наряду с отрицательными отзывами о Вильганьоне, содержится и такая характеристика: “Он заслужил потерять все, что потерял, за то, что отправился обустриваться на землях, которые, как ему было известно, принадлежат Вашему Величеству. Тем не менее, будучи дворянином и весьма хорошим католиком, ревнителем религии, (...) он заслуживает милости и более справедливого отношения к себе, чем может ожидать любой другой человек”³⁸.

Таким образом, благородное происхождение Вильганьона (в сочетании со званием мальтийского рыцаря, о котором известно португальским авторам), а также его приверженность католицизму делают бывшего грозного противника достойной уважения личностью. Особенно ярко эта метаморфоза прослеживается у иезуита Жозе де Аншьеты, который в 1560 г. сопровождал португальские войска, отправившиеся на захват “Антарктической Франции”, затем вел трудные переговоры с индейскими союзниками французов, склоняя их на сторону Португалии, а в 1584 г. так оценил Вильганьона:

Николя де Вильганьон, по всеобщему мнению, был очень ученым человеком и превосходным рыцарем (...). Он был всецело предан католической религии (...) Вероятно, его отъезд во Францию произошел в 1559 г., так как к моменту захвата башни [главной крепости колонии. – *О.О.*] Мемом де Са его там не было, и это был истинно божий промысел, потому что, как все утверждали, если бы он оставался на месте, форт ни за что бы не взяли, настолько выдающимся он был военным. Поэтому взятие крепости больше обязано божественной поддержке, нежели человеческим силам, что и стало для всех очевидно в ходе сражения. Господь явил немалую милость, избавив португальцев от встречи с этим капитаном³⁹.

Немаловажными достоинствами Вильганьона в глазах Аншьеты оказываются также установленные им для колонистов строгие правила общения с индианками (вспомним, что даже протестант

Лери счел возможным похвалить за это своего идеологического противника), а также то, что он выкупал у индейцев захваченных теми в плен португальцев, которых иначе по индейскому обычаю предали бы смерти, а тела съели.

На фоне резко негативного отношения к французам в Бразилии со стороны иезуитов, которые умело раздували степень угрозы со стороны “еретиков-кальвинистов”, образ Вильганьона у Аншьеты оказывается резко отделен от представлений о его соотечественниках в Бразилии. Не в последнюю очередь это связано с самим характером иезуитских сочинений XVI в., всегда тесно связанных с непосредственными “вызовами времени” и свидетельствующих о возможности изменить взгляд на происходящее постфактум, когда угроза (реальная или преувеличенная) остается в прошлом⁴⁰. В дальнейшем образ Вильганьона в сочинениях португальских авторов XVII–XVIII вв. останется достаточно схематичным; признание достоинств по сравнению с соотечественниками-протестантами уйдет в прошлое, а на первый план выдвинется критика самого намерения посягнуть на владения Португалии в Новом Свете. Это отношение достигнет апофеоза в сочинениях бразильского историка конца XIX–начала XX в. Р. Помбу, который назовет предприятие Вильганьона “малозначительной страницей нашей истории, [отмеченной] самым грязным из пачкающих ее пятен”⁴¹.

Во Франции же образ Вильганьона остался теснейшим образом связан с историей его “предательства веры”. Даже исследователи конца XIX–XX в., попытавшиеся противостоять этой “черной легенде”, не всегда оказывались свободны от штампов, появившихся еще в XVI столетии⁴².

Впрочем, в одном отношении имя Вильганьона все же обрело исключительно нейтральное звучание: с 1560-х годов и по сей день так называется остров в заливе Гуанабара, на котором располагалось ядро “Антарктической Франции”.

ЖАН КОИНТА, “МОНСЕНЬОР ДЕ БУЛЕ”: ИСТОРИЯ ПЕРЕБЕЖЧИКА

В отличие от Вильганьона, на голову которого пали основные обвинения в предательстве веры и в падении колонии, поведение одного из его подчиненных, Жана Коинты, известного в дальнейшем также как “монсеньор де Буле”⁴³, вызвало меньший резонанс, хотя значение совершенного им поступка было весьма

велико: именно он, перейдя на сторону португальцев перед штурмом “Антарктической Франции”, снабдил нападавших важными сведениями и лично участвовал в военных действиях против колонии, в которой сам когда-то жил.

Сведения о перебежчике, сыгравшем роковую роль в падении колонии, достаточно скудны. Сам он утверждал, что родился в провинции Труа во Франции⁴⁴ и в молодости отдал дань и военному ремеслу, и наукам⁴⁵. Его взяла к себе на службу вдовствующая королева Шотландии (мать Марии Стюарт, выданной замуж за Франциска II), что дало ему возможность познакомиться с адмиралом Гаспаром де Колиньи. Коинта собирался отправиться в Шотландию, но, по его словам, Колиньи убедил его поехать в Бразилию, чтобы помочь Вильганьону выработать “статуты” управления колонией⁴⁶, которую в тот момент сотрясали заговоры. В дальнейшем, выступая перед трибуналом португальской инквизиции, он особо настаивал на том, что исполнял поручение адмирала Колиньи и действовал исключительно в светской области⁴⁷; категоричность последнего утверждения связана с обвинением Коинты в ереси и его желанием затушевать некоторые свои действия в колонии.

В Бразилию он прибыл в марте 1557 г., с тем самым подкреплением из Швейцарии и Франции, которое состояло преимущественно из протестантов. Во французской колонии его называли Жан Коинта, он же сам настаивал на наименовании “господин Эктор, ранее доктор Сорбонны”⁴⁸. За время совместного путешествия через Атлантический океан протестантские пасторы не составили о нем хорошего мнения, однако Коинта в ходе первого же причастия по кальвинистскому образцу публично отрекся от католицизма и вскоре женился на одной из протестантских девушек, прибывших в Бразилию в составе той же экспедиции. Впрочем, описывающий этот эпизод Жан де Лери намекает, что матримониальные устремления Коинты объяснялись тем, что его избранница получила в наследство от умершего уже в Бразилии родственника-колониста товары, предназначенные для меновой торговли с индейцами, – ножи, рыболовные крючки, гребни, зеркала, разноцветные ткани. Женившись, Коинта не замедлил прибрать это наследство к рукам и обратить его себе на пользу⁴⁹.

Вскоре в глазах своих спутников-протестантов он пал еще ниже: “Решив [вслед за Вильганьоном] продемонстрировать свои познания, Коинта принялся публично учить Святому Писанию. Но, взявшись за Евангелие от Иоанна – предмет возвышенный и

весьма сложный, как это хорошо известно теологам, – он чаще всего изрекал нелепицы...”⁵⁰. Протестантские проповедники стали его критиковать, он в ответ начал выступать в богословских диспутах на стороне Вильганьона, оспаривавшего некоторые кальвинистские положения о евхаристии⁵¹. В результате Коинта перессорился и с протестантами, и с Вильганьоном и покинул остров, пробыв там всего полгода: по версии его оппонентов-кальвинистов, его изгнал Вильганьон⁵², по версии самого Коинты – он покинул общество главы колонии по собственной воле и дожидался лишь попутного корабля, чтобы вернуться в Европу⁵³. Точно в таком же положении изгнанников оказались и протестантские проповедники после окончательного выбора Вильганьона в пользу католической доктрины, однако не похоже, чтобы общие неурядицы сблизили обе стороны, пострадавшие от “тирании” главы “Антарктической Франции”.

Протестанты, среди которых был и Жан де Лери, провели несколько месяцев в ожидании корабля, на котором можно было бы возвратиться во Францию, но в результате все же дождались такого судна. Коинта же, прождав некоторое время, отправился в ближайшее португальское капитанство⁵⁴ Сан-Висенти и перешел на сторону португальцев: сначала помог им отразить атаку индейцев, среди которых были также эмиссары Вильганьона⁵⁵, а затем перебрался южнее, в капитанство Ильеус, где разыскал генерал-губернатора М. де Са и “открыл ему намерения упомянутого Вильганьона и тот ущерб, который [его действия] на этом побережье нанесут [португальской короне]”⁵⁶. Тем самым Коинта выступил против собственных соотечественников дважды. Чем же он при этом руководствовался?

В материалах процесса против Коинты, длившегося несколько лет сначала в Бразилии, а затем в Португалии, содержатся разные версии его поступка. Сам Коинта по ходу дела менял тональность своих заявлений, выдвигая на первый план то одно, то другое обстоятельство. Интересно при этом, что термин “предательство” не фигурирует в показаниях ни свидетелей обвинения, ни свидетелей защиты – вероятно, из-за того, что весь процесс был инспирирован португальской стороной, а участвующие в нем французы (в том числе бывшие колонисты “Антарктической Франции”) привлекались лишь для характеристики религиозных убеждений Коинты, да и то их показания во многом зависели от формулировки вопроса⁵⁷.

Среди трех ключевых поступков Коинты, каждый из которых все больше отделял его от “Антарктической Франции” (уход

с острова Колиньи, решение покинуть залив Гуанабара и уйти в капитанство Сан-Висенти с дальнейшим переходом на сторону португальцев; согласие участвовать вместе с М. де Са в штурме французской колонии) наиболее подробно освещаются первый и третий.

Так, на вопрос, почему Коинта покинул Вильганьона, давались следующие ответы: Коинта не смог более терпеть обиды от протестантских проповедников, те же преследовали его за то, что он им возражал (вариант – проповедники угрожали его жизни)⁵⁸; колонисты не пожелали получить от Коинты те “статуты” и “установления”, ради которых его послал в Бразилию адмирал Колиньи, и он захотел их оставить и уйти жить на материк⁵⁹. Тем не менее пока что Коинта все же не покидает сферы французского влияния и теоретически еще может участвовать в общих для колонии делах.

Все меняется на втором этапе, когда Коинта уходит в Сан-Висенти. При этом в показаниях как его самого, так и свидетелей его защиты акцент искусно смещен с вопроса о причинах этого поступка на описание конкретного воплощения данного решения (уход с берега залива Гуанабара вместе с многочисленным индейским отрядом, отправившимся воевать с португальцами в Сан-Висенти; в его составе находились и люди Вильганьона). Лишь единожды Коинта дает “политическое” объяснение:

Капитан колонии французов сговорился с индейцами и все вместе постановили напасть на капитанство [Сан-Висенти], и тогда [он, заявитель] вернулся в форт и заявил капитану и всем находившимся в колонии о своем несогласии и о том, что не следует ни брать в союзники индейцев, ни оказывать им какую-либо поддержку против португальцев, потому что [Португалия] является союзницей короля Франции и адмирал [Колиньи] поручал не причинять португальцам никакого вреда. Но так как после этого [глава колонии] не захотел отказаться от своего намерения, [он, заявитель] отправился в Сан-Висенти (...) и предупредил о готовящемся нападении⁶⁰.

Существует и другое возможное объяснение – менее возвышенное и более прагматическое. Коинта хотел поскорее вернуться в Европу, и, прождав попутного корабля полгода, он мог решить попытать счастья у португальцев, а чтобы расположить их к себе, оказать им услугу в виде раскрытия плана индейского нападения⁶¹.

В Сан-Висенти Коинта не остался (в дальнейшем он заявлял, что его немалые заслуги по спасению капитанства от разорения

не были оценены по достоинству), а отправился к генерал-губернатору М. де Са в Ильеус. О том, что инициатором их встречи был именно “монсеньор де Болес”, свидетельствуют спутники генерал-губернатора⁶². Сам Коинта так говорит о своем решении выступить вместе с М. де Са против своих соотечественников: генерал-губернатор убедил его, что Вильганьон обосновался в Бразилии без королевского мандата, и изгнать лютеран, находящихся в Рио-де-Жанейро⁶³ против воли французского монарха, будет “хорошей службой моему королю [курсив мой. – О.О.]”. Однако затем Коинту одолели сомнения: появились сведения, что король Франции сам стал протестантом и провозгласил в своем королевстве временное правление. Тогда Коинта заявил генерал-губернатору, что не пойдет с ним воевать против французов в Рио-де-Жанейро: ранее он собирался это сделать только потому, что они лютеране, а раз теперь его король сам лютеранин, то воевать с ними будет неправильно⁶⁴. В одних показаниях Коинта утверждает, что никому не рассказал о причинах нежелания идти с М. де Са; в других, напротив, подробно описывает, как генерал-губернатор публично уговаривал его оставить сомнения:

Опасаясь идти против своего короля, я искал способа не выполнять обещанного генерал-губернатору. Увидев это, он собрал свой совет и в присутствии всех сказал мне, что требует моего участия как во имя Бога, так и во имя короля Португалии и Франции. Он сказал также, чтобы я не сомневался и сопровождал его в походе и приказал зачитать или же сам лично прочел письмо, которое ему об этом написала [королева-регентша Катарина], где говорилось, что она обратилась к королю Франции, а тот ответил, что не знает, кто эти люди [из колонии], они сами покинули его королевство и пусть ее величество [королева Катарина] их накажет⁶⁵.

Интересно, что последнее обстоятельство упоминается в источниках с французской стороны: посол Франции в Лиссабоне Жан Нико сообщает Франциску II, что именно таким образом королева-регентша Португалии Катарина оправдывает действия португальцев в Бразилии⁶⁶. У самого Нико такая отговорка вызывает лишь возмущение.

Аргументы М. де Са показались Коинте убедительными, но все же он поставил еще одно условие: все участники похода против французской колонии должны подписаться под тем, чтобы не причинять вреда людям, не отнимать их имущества, а дать им корабль и позволить вернуться на родину. На этих условиях Коинта согласился сопровождать генерал-губернатора и “сделать так, чтобы тот захватил крепость”⁶⁷. Не свидетельствует ли это заяв-

ленное стремление спасти жизнь колонистам в обмен на захват колонии о том, что в глубине души Коинта осознавал свое предательство?

Есть и прямое признание Коинты в том, что его тревожила совесть: оказавшись в тюрьме по обвинению в ереси, исходившем от главы ордена иезуитов в Бразилии, Луиса де Грау, он считал это небесным возмездием: “Я решил, что Бог меня так страшно наказал за совершенный грех, и меня стало угнетать содеянное”⁶⁸. Впрочем, после того, как стало известно, что слухи о переходе короля Франции на сторону протестантов оказались ложными и что преемник Франциска II Карл IX стал преследовать гугенотов, Коинта избавился от угрызений совести⁶⁹.

Вот как сложилась затем его судьба: судебный процесс по обвинению в ереси, продолжавшийся с 1561 по 1564 г., Коинте удалось выиграть: он убедил инквизицию, что его симпатии к протестантам были временными и что он в них раскаивается. Во время разбирательства он запросил официальное подтверждение своих заслуг перед португальцами – как в том, что касается отражения нападения на капитанство Сан-Висенти, так и в отношении взятия “Антарктической Франции”. Вероятно, полученные свидетельства склонили португальских инквизиторов к принятию решения о помиловании Коинты после принесения им покаяния в соответствующей форме и прохождения “испытательного срока” в монастыре. Тем не менее иезуиты в Бразилии продолжали считать его подозрительным; в дальнейшем на основании их заявлений разных лет возникла легенда, что в 1567 г. Коинту приговорили к повешению по приказу М. де Са, и приговор помог привести в исполнение один из видных иезуитов, Жозе де Аншьета. Это мнение было опровергнуто исследователями только в XX в.⁷⁰, когда на основании найденных документов стало известно, что Коинта закончил свои дни не в Бразилии, а в Индии, где ему опять пришлось столкнуться с португальской инквизицией, но уже с неблагоприятным исходом⁷¹.

Так кем же в результате оказался Коинта – предателем соотечественников или единоверцев? Приводимые им в свое оправдание аргументы показывают, насколько менялось его представление об общности, связывавшей его с поселенцами из “Антарктической Франции”: религиозное здесь тесно связано с политическим. Обида на протестантских проповедников (представленная затем как борьба с их “ересью”) отступает в его душе перед известием, что дело гугенотов побеждает в самой Франции, и вот уже под

влиянием этого Коинта вновь признается в симпатии к “реформированной вере”. С другой стороны, согласие Коинты с мнением португальцев об отсутствии у Вильганьона королевского мандата на основание колонии сменяется признанием законности предприятия, если и король, и поселенцы оказываются протестантами. Кроме того, на все эти соображения накладывались и поиски личной выгоды, сопряженные с необходимостью лавировать между несколькими сторонами, и стремление спасти свою жизнь, оказавшись перед трибуналом инквизиции.

ПРЕДАТЬ СВОЕГО СОЮЗНИКА? ФРАНЦУЗЫ И ИНДЕЙЦЫ В БРАЗИЛИИ

Если вопрос о предательстве Вильганьона и Коинты относится к сфере взаимоотношений как французов между собой, так и французов и португальцев в Новом Свете, оставаясь при этом тесно связанным с религиозными противоречиями в Европе XVI в., то рассмотрение проблемы верности и предательства в отношениях французов и индейцев в Бразилии лежит в иной плоскости. Здесь межконфессиональные различия отходят на второй план или вовсе исчезают из поля зрения; в рамках союзнических отношений с индейцами французы выступают как более или менее единое целое. Даже разница между дружественными отношениями, достигнутыми в условиях одного лишь французского присутствия в Бразилии (без активной колонизации), и союзническими отношениями, декларировавшимися в период существования французских колоний, оказывается не столь принципиальной, так как они зиждутся на одном и том же фундаменте; вторые невозможны без первых и именно в них черпают свою легитимность.

Для того чтобы охарактеризовать союзнические отношения французов и индейцев и определить, было ли в них место предательству, необходимы некоторые общие замечания. Индейцы, населявшие атлантическое побережье Бразилии (в XVI в. именно с ними в основном имели дело как португальцы, так и конкурировавшие с ними французы), в основном принадлежали к семье тупи-гуарани; племена часто враждовали между собой. Война и связанная с ней ритуальная антропофагия по отношению к пленным играли для индейцев тупи важную социальную роль⁷². Суть ее оставалась непонятной для европейских наблюдателей XVI в., но само существование межплеменных конфликтов было им отлично известно; и португальцы, и французы старались об-

ратить их себе на пользу, вербуя союзников из враждующих лагерей. “Дикари, поддерживающие португальцев, воюют с теми, кто держит сторону французов, и наоборот”, – писал в 1557 г. в своих “Особенностях Антарктической Франции” Андре Теве⁷³; принцип “друг моего врага – мой враг” был распространен и на европейцев, поддерживавших те или иные племена. Разумеется, по мере все возрастающей активности португальских колонизаторов у племен атлантического побережья Бразилии возникали и другого рода конфликты с португальцами; французы пользовались этим, поддерживая недовольных и обеспечивая себе саму возможность находиться в Бразилии, откуда португальцы всеми силами старались их изгнать. Тем самым во взаимоотношениях французов и их индейских союзников поле для маневра оказывалось во многом ограниченным; сохранение хороших отношений с местным населением оставалось приоритетной задачей как для частных “посетителей” из Франции, так и для колонистов.

Соответственно, в образе бразильских индейцев, сложившемся во Франции благодаря сочинениям путешественников, побывавших в “стране красного дерева”, важное место занимал мотив доброго приема, оказываемого французам в Бразилии; его характеризовали в эмоциональных терминах “любви” и “дружбы”. В 1530-х годах поэт и мореплаватель Пьер Криньон утверждал, что французы способны завоевать для короля Франциска дружбу и преданность народов тех стран, доступ к которым преграждают им португальцы; их, в отличие от французов, местное население не любит и не почитает⁷⁴; в анонимном сочинении 1550 г., описывающем торжественный въезд короля Генриха II в Руан, где был устроен своеобразный “бразильский спектакль”, утверждалось, что жители этой далекой страны всем сердцем поддерживают французов, и этот союз заставит отступить “вражескую Португалию”⁷⁵; наконец, уже в начале XVII в., во времена второй французской колонии в Бразилии – “Равноденственной Франции” – капуцины Клод д’Аббвиль и Ив д’Эврё в своих сочинениях развернули настоящую пропаганду “сердечного согласия” и тесных союзнических уз между французами и индейцами. Яркие примеры проявления любви и дружбы индейцев по отношению к своим французским союзникам приводил и Жан де Лери несколькими десятилетиями ранее.

Одновременно с этим внимательное рассмотрение свидетельств о пребывании французов в Бразилии показывает, что взаимоотношения с индейцами были окрашены не только в розовые тона. Весьма точную формулировку нашел здесь Андре Теве,

говоря об “американцах, называющих себя нашими друзьями”⁷⁶. С одной стороны, эти индейцы поддерживают ставшие уже традиционными торговые контакты с французами, с другой стороны, они вызывают опасение возможным нападением на колонию Вильганьона. Их характер отличается воинственностью, и если однажды они научатся обращаться с европейским оружием, нет никакой гарантии, что они не обратят его против французов, писал Теве⁷⁷. Кроме того, несмотря на глубокое внутреннее убеждение европейцев, что их индейские союзники действуют согласно их интересам, сами индейцы альянсом с европейцами преследуют собственные цели. Так, вполне возможно, что инициатива похода на капитанство Сан-Висенти, которым воспользовался Континта, чтобы уйти из “Антарктической Франции”, исходила как раз от индейцев, а французы лишь поддержали уже сложившийся план (по крайней мере, об этом свидетельствует состав сил: несколько тысяч индейцев и менее десятка французов, пусть даже и вооруженных огнестрельным оружием).

Интересно, что несмотря на радушный прием, который Вильганьону и его спутникам оказали индейцы в месте первой высадки французов в Бразилии у мыса Кабо Фрио, в дальнейшем глава “Антарктической Франции” предпочел устроить свою колонию на острове – в том числе и из-за опасения нападения индейцев. Первоначально колонисты считали, что подобная атака будет связана с желанием завладеть привезенными из Франции товарами на обмен. Несколько месяцев спустя, когда среди местного населения разразилась эпидемия странной инфекционной болезни (по всей вероятности, связанная с отсутствием у индейцев иммунитета к бактериям и вирусам из Старого Света), это стало еще одним поводом опасаться нападения индейцев на колонию. Так, штурман экспедиции Вильганьона Николя Барре не уставал радоваться тому факту, что у колонистов были пушки, которыми они смогли бы усмирить пыл индейцев, если бы те их атаковали⁷⁸.

Тем не менее случаев прямого выступления против французов во времена колонии в заливе Гуанабара отмечено не было; более того, генерал-губернатор М. де Са в письме королеве-регентше Катарине еще до штурма колонии особо подчеркивал своеобразие индейской политики Вильганьона, который жестко наказывал собственных подчиненных за вред, причиненный индейцам, чем снискал себе их преданность⁷⁹.

Описывая время, проведенное среди индейцев, Жан де Лери подробно остановился на союзнических отношениях с непосред-

ственными соседями “Антарктической Франции” (не утаив, правда, и случаев, когда другие племена оказывались не столь лояльны французам). В его изложении то, что удерживает индейцев от предательства, в конечном счете соответствует интересам самих индейцев: “Тупинамба хорошо знают, что [среди европейцев] португальцы уже являются их врагами, и если бы они убили француза, то между ними разразилась бы такая непримиримая война, что они навсегда были бы лишены [столь необходимых им] европейских товаров”⁸⁰. Кроме того, тот факт, что союзнические отношения были неоднократно подтверждены обеими сторонами, представлял значительную ценность для индейцев, придававших большое значение передаче памяти и традиций от предков к потомкам.

Подобным отношением к себе как к французу в конце XVI в. воспользовался другой иностранец, англичанин Энтони Найвет; в результате он жестоко обманул доверие индейцев и фактически предал их, обещав привести к местам стоянок французских кораблей, а сам вывел их под пули португальцев⁸¹. Однако то, что он не являлся французом, а лишь выдавал себя за него, чтобы обеспечить себе безопасность среди индейцев, не позволяет в полной мере включить этот эпизод в историю предательств во французской Бразилии.

Один из немногих документально подтвержденных эпизодов предательства индейцем французов относится ко временам “Равноденственной Франции” в Мараньяне (на севере Бразилии). Несмотря на то что усилиями капуцинов Клода д’Абвиля и Ива д’Эврё была развернута масштабная “рекламная кампания” по превозношению “любви и дружбы”, связывающих французов и индейцев, “мечтающих в будущем стать одной нацией”, в реальности французам приходилось применять не только уговоры, но и принуждение (правда, соизмеряя в каждом случае эффект от примерного наказания или демонстративного помилования⁸²). Во многом это было связано со своеобразием расклада сил среди индейцев Мараньяна: окружавшие французскую колонию земли были заселены индейскими общинами, зачастую находившимися в родственных отношениях, но при этом отчаянно враждовавшими между собой. Кроме того, некоторые племена, например тупинамба, исторические союзники французов, пришли в эти края сравнительно поздно под натиском португальцев, изгнавших их с их исконных земель, и сами оказались втянутыми в конфликт с коренными жителями Мараньяна.

Заклячая договоры о союзе с различными племенами, не всегда ладившими между собой, французы оказывались в положении гарантов перемирия. Отсюда и вытекала необходимость поддерживать свой статус союзника, которого не только любят, но и опасаются⁸³.

Случай предательства индейцем французов, о котором пойдет речь, как раз и был связан с общей рыхлостью политической и межплеменной конфигурации. Это один из редких эпизодов, когда капуцины, весьма благожелательно относившиеся к индейцам из окрестностей “Равноденственной Франции”, употребляют слово “предатель”. Обозначенный таким образом индеец, уже конфликтовавший ранее с колонистами, выдал их местонахождение португальскому отряду Мартина Соареша Морено, отправившемуся в Мараньян на “разведку боем”. Узнав о приближении отряда, французы договорились со своими индейскими союзниками, что те будут отрицать любое французское присутствие в Мараньяне, и тем самым усыпят бдительность португальцев, устроив им засаду. Однако индеец по имени Себастьян раскрыл португальцам этот замысел⁸⁴.

Сам Мартин Соареш Морено рассказал, что Себастьян присоединился к ним, “движимый сочувствием к португальцам”. Его христианское имя было ему дано французами (следовательно, он был крещен капуцинами, которые уделяли большое внимание этому свидетельству лояльности индейских союзников), сам он являлся уроженцем Мараньяна, однако в окрестности колонии его привели французы⁸⁵.

Помимо Себастьяна, другим информатором португальцев стал индейский старейшина из поселения под названием Итапарис. Ив д’Эврё сообщал, что его допрашивали португальцы по многим вопросам, “но неизвестно, что именно тот им ответил”. Свидетельства спутников Мартина Соареша Морено подтверждают, что старейшина действительно выдал сведения о французах и в награду получил топор⁸⁶. В отличие от Себастьяна, который ушел вместе с португальцами, опасаясь наказания за свое предательство, старейшина Итапариса вернулся к себе домой. Неизвестно, применили ли к нему французы какие-либо санкции, так как конец главы книги Ива д’Эврё, где описывался этот случай, не сохранился до наших дней. Однако такое предположение весьма вероятно, судя по опасениям Себастьяна.

Если французам приходилось оказываться жертвами предательства индейцев, были ли обратные случаи? Если вспомнить о многочисленных обещаниях французов “защищать индейцев от

их врагов”, которые щедро раздавались в первые месяцы существования “Равноденственной Франции”, то перемирие, заключенное французами с португальцами, а затем и сдача крепости на острове Мараньян может быть охарактеризована если не как предательство, то по меньшей мере как невыполненное обещание. После того как падение французского поселения открыло путь для португальских колонизаторов, индейцы Мараньяна подняли восстание, продолжавшееся три года. Они осаждали спешно возводимые португальские укрепления, португальцы в ответ высылали карательные экспедиции. В результате восставшие были частью истреблены, частью рассеяны; захваченных в плен направили на строительство новых португальских фортов. Что же касается населения острова Мараньян (ядра “Равноденственной Франции”), то оно, хотя и не принимало участия в восстании, не избежало участи соплеменников; причиной стали не карательные экспедиции, а европейские болезни⁸⁷. Этим союзникам французов так и не довелось получить от них обещанную поддержку.

* * *

Подводя итог представлению эпизодов предательства во французской Бразилии XVI – начала XVII в., отметим, что большинство из них в долгосрочной перспективе приводит к серьезным последствиям, несмотря на кажущийся поначалу незначительным масштаб поступка. Так, расплатой за сравнительно недолго высказывавшиеся Вильганьоном симпатии к положениям протестантского вероучения стало клеймо “предателя веры”, сопровождавшее имя главы “Антарктической Франции” спустя не только десятилетия, но и века после событий 1555–1558 гг. Переход Коинты на сторону португальцев в 1560 г., хотя и оказавший несомненное влияние на дальнейшие события, предопределил падение французской колонии в меньшей степени, чем отсутствие Вильганьона. Предательство индейца Себастьяна и старейшины Итапариса позволило отряду Мартина Соареша Морено получить сведения о французах в Мараньяне и укрепить тем самым решимость колониальной администрации Бразилии изгнать их из этого региона.

Эпизоды предательства единоверцев или соотечественников в Новом Свете получают дополнительную эмоциональную окраску в освещении европейских авторов, не покидавших пределов своего континента. В этой связи весьма удачным представляется определение французского исследователя Ф. Лестрингана, го-

ворящего о “черной легенде”, сформировавшейся в отношении Вильганьона. Здесь же можно отметить, что пристрастные суждения о религиозных взглядах Коинты оказываются более значимыми для характеристики его поступков, чем оценка его предательства (по существу, оказавшегося услугой португальцам). Наконец, в отношениях французов и индейцев подозрения в предательстве порой связаны с эмоциональной оценкой действий, изначально вовсе не направленных на предательство. Так, рассуждение Ж. де Лери о верности тупинамба Рио-де-Жанейро французам было навеяно излишне пристрастной оценкой ситуации, в основе которой лежало недоразумение, в чем сам он и признается.

Таким образом, проанализированные случаи предательства добавляют новые штрихи к освещению того глобального перелома, который совершался в Европе в XVI в. и был связан как с открытием и покорением новых земель, так и с религиозными конфликтами в Старом Свете. Рассмотренные эпизоды позволяют увидеть в необычном ракурсе некоторые важные стороны французского присутствия в Бразилии в раннее Новое время.

Изученные случаи предательства позволяют углубить наше понимание нюансов и тончайших взаимопереплетений человеческих судеб, амбиций и устремлений той эпохи, детально рассмотреть и высветить сложные отношения, связывавшие участников длительного процесса освоения новых территорий.

¹ Подробнее о начальном периоде этого соперничества см.: Окунева О.В. В погоне за красным золотом: франко-португальское соперничество в Бразилии в первой половине XVI в. // Новая и новейшая история. 2005. № 5. С. 198–211.

² Morison S.E. The European Discovery of America: the Southern Voyages (1492–1616). N.Y., 1974. P. 590.

³ Существует версия, что во время обучения в Сорбонне Вильганьон мог познакомиться с Жаном Кальвином, и это обстоятельство в дальнейшем повлияло на приглашение кальвинистов в бразильскую колонию. Встреча Вильганьона и Кальвина могла состояться в 1528 г., до отъезда этого последнего в Орлеан и Бурж или же в 1532 г., после его возвращения в Париж. (Heulard A. Villegagnon, roi d'Amérique: L'homme de mer au XVIe siècle (1510–1572). P., 1913. P. 4). Согласно другой версии, Вильганьон обучался праву в Орлеане, где он и встретился с Кальвином. (Lestringant F. Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée // Les aventures des Bretons au Brésil à l'époque coloniale / Dir. Mérian J.Y. Rennes, 2007. P. 165).

⁴ Expédition de Charles-Quint contre Alger // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. P., 1896. T. 57. P. 510–511.

⁵ Heulard A. Op. cit. P. 30.

- ⁶ *Cloulas I. Henri II. P., 1985. P. 186; Baudouin-Matuszek M.-N. Henri II et les expéditions françaises en Ecosse // Bibliothèque de l'École des Chartes. P., 1987. T. 145. P. 340, 354, 359–364.*
- ⁷ *Cloulas I. Op. cit. P. 286; Heulard A. Op. cit. P. 72–73.*
- ⁸ Распоряжение Генриха II от 26 марта 1554 г. (по новому стилю это 1555 г., так как в то время Новый год начинался с Пасхи, а не с 1 января. – *О.О.*). – Цит. по: *Heulard A. Op. cit. P. 99.*
- ⁹ *Léry J. de. Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil (1578, seconde édition – 1580) / Ed. F. Lestringant. P., 1999. P. 106.*
- ¹⁰ *Histoire des choses mémorables advenues en la terre du Brésil, partie de l'Amérique australe, sous le gouvernement de N. de Villegaignon, depuis l'an 1555 jusques à l'an 1558 (s.d., 1561) // Nouvelles annales des voyages. 5e série. P., 1854. Vol. 144. T. 4. P. 198.*
- ¹¹ *Chinard G. Réfugiés huguenots en Amérique. P., 1925. P. 5–6.*
- ¹² *Julien Ch.-A. Les voyages de découverte et les premiers établissements (XVe–XVIe siècles). P., 1947. P. 188.*
- ¹³ *Lestringant F. Le Huguenot et le Sauvage: L'Amérique et la controverse coloniale en France au temps des guerres de Religion (1555–1589); troisième édition. Genève, 2004; Idem. Genève et l'Amérique: le rêve du Refuge huguenot au temps des guerres de Religion (1555–1600) // Revue de l'histoire des religions. P., 1993. T. 210, № 3. P. 331–347; Idem. Geneva and America in the Renaissance: the Dream of the Huguenot Refuge 1555–1600 // Sixteenth Century Journal. Summer 1995. Vol. 26, Issue 2. P. 285–295.*
- ¹⁴ *McGrath J. Polemic and History in French Brazil, 1555–1560 // Sixteenth Century Journal. Summer 1996. Vol. 27, Issue 2. P. 389.*
- ¹⁵ [*Barré N.*] Copie de quelques lettres sur la navigation du chevalier de Villegaignon es terres de l'Amérique outre l'æquinoctial, iusques soubz le tropique de Capricorne; contenant sommairement les fortunes encourues en ce voyage avec les mœurs et façons de vivre des Sauvages du païs; envoyées par un des gens dudit seigneur (1557) // *Gaffarel P. Histoire du Brésil français au XVIe siècle. P., 1878. P. 382–385.*
- ¹⁶ Речь идет о различном понимании пресуществления хлеба и вина в плоть и кровь Христа во время таинства причастия и связанных с этим разногласиях относительно особенностей проведения обряда. Подробнее см.: *Lestringant F. Tristes tropistes: Du Brésil à la France, une controverse à l'aube des guerres de religion // Revue de l'histoire des religions. 1985. T. CCII, Fasc. 3. Juillet-septembre. P. 267–294.*
- ¹⁷ *Crespin J. Histoire des martyrs: persecutez et mis à mort pour la verité de l'Evangile, depuis le temps des Apostres jusques à l'an 1597 comprinse en douze livres, contenant les Actes memorables du Seigneur en l'infirmité des siens, non seulement contre les efforts du monde, mais aussi contre diverses sortes d'assaux et heresies monstrueuses. Genève, 1597. P. 413–418. (Первое издание – 1564).*
- ¹⁸ *Mémoires de Claude Haton, contenant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans la Champagne et la Brie, publiés par Félix Bourquelot. P., 1857. Vol. 1. P. 40.*
- ¹⁹ *Poulenc J. Tentatives de Nicolas Durand de Villegaignon en vue d'obtenir un envoi de missionnaires en France Antarctique (1560) // Archivum Franciscanorum historicum. Firenze, 1967. T. 60. P. 397–407.*
- ²⁰ *Lettre de François II au Père Gardien des Cordeliers de Paris (Fontainebleau, 15 août 1560) // Ibid. P. 404.*

- ²¹ Примечательна здесь эпитафия Вильганьону, которую оставил в своих мемуарах католический священник Клод Атон: подводя итог деятельности вице-адмирала, Атон не упоминает о бразильской колонии (хотя в его мемуарах есть весьма ценные сведения об обстоятельствах подготовки экспедиции 1555 г.), но сосредотачивается на борьбе с протестантами: “В мирное время он не переставал воевать с гугенотами духовным оружием святого слова Божия, извлеченного из Евангелий и сочинений древних и современных докторов (...) Он написал много прекрасных книг как на латыни, так и на французском, чтобы опровергнуть ложное мнение своего однокашника Жана Кальвина и других проповедников обманной лютеранской и гугенотской доктрины. Против этой ереси он поднимал материальное и вещественное оружие, служа Богу и своему королю, как, например, в 1562 г. перед городом Руаном в Нормандии, где пушечным ядром ему оторвало ногу (...) или в 1567 г. в городе Санс, где он был королевским наместником и где он разбил гугенотское войско принца Конде, к великому стыду этого принца и его людей”. (*Mémoires de Claude Haton*. Vol. 2. P. 622–623.)
- ²² Названия сочинений Вильганьона и его оппонентов приводятся по изданию: *Heulard A.* Op. cit. P. 214–227.
- ²³ *Lestringant F.* Le Huguenot et le Sauvage... P. 420–447; *Idem.* Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée... P. 167–174.
- ²⁴ Узнав после пребывания в Бразилии о ритуальной антропофагии индейцев, гугеноты стали активно использовать этот образ в антикатолической пропаганде: католики, буквально понимающие пресуществление хлеба и вина в плоть и кровь Христа во время таинства причастия, “поедают” Бога и потому сравнимы с каннибалами. Подробнее см.: *Lestringant F.* Catholiques et cannibales: Le thème du cannibalisme dans le discours protestant au temps des guerres de religion // *Pratiques et discours alimentaires à la Renaissance. Actes du colloque de Tours 1979* / Dir. Margolin J.-C., Sauzet R.P., 1982. P. 233–245.
- ²⁵ Вот пример такого обвинения в стихах: “Vide Villegagnonem / Nunc mutatum ganconem / Qui solum facit ventrem / Falerno et Dapibus / Fruens partis opibus / Derelictum inermem” (“Взгляни на Вильганьона, ныне превращенного в мартышку; он только и делает, что набивает себе брюхо едой и фалернским вином, наслаждаясь добытыми богатствами; [теперь] он остается беспомощным”). *Maillard N.* Prosa magistri Nicolai Mallarii... // *Le Moine R.* Amérique et les poètes français de la Renaissance. Ottawa, 1972. P. 137. Существует еще один вариант прочтения (и, следовательно, перевода) этой эпиграммы: так, Ф. Лестринган указывает, что несмотря на созвучие слов “Villegagnon” и “guénon” (мартышка), “опрокинутое” из французского в латынь, в данном случае следует читать “Nunc mutatem ganconem”, имея в виду атрибут, связанный с трактиром или харчевней (столб или шест). *Lestringant F.* Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée. P. 175. Латинско-русский словарь И.Х. Дворецкого дает несколько иной перевод слова “ganeo” – гуляка, кутила. В любом случае подобное прочтение усиливает основную мысль Н. Майара: приписывание Вильганьону греха чревоугодия и пьянства для еще большей дискредитации его образа.
- ²⁶ “[В вопросе о чистоте и строгости нравов] он был достоин похвалы: и сколь угодно было бы Богу – как для продвижения его Церкви, так и для пользы, которую извлекли бы многие добропорядочные люди, – если бы и во всех других отношениях он поступал бы так же правильно, как в этом [деле]”. (*Léry J.* *de.* Op. cit. P. 181).

- ²⁷ Histoire d'André Thevet, augoumoisain, cosmographe du Roi, de deux voyages par lui faits aux Indes australes et occidentales contenant la façon de vivre des peuples Barbares, et observation des principaux points que doivent tenir en leur route les Pilotes, et mariniers, pour éviter le naufrage, et autres dangers de ce grand Océan, Avec une response aux libelles d'injures, publiées contre le chevalier de Villegagnon [circa 1588]. Отрывки из этого последнего сочинения Тева опубликовались в следующем издании: Les Français en Amérique pendant la deuxième moitié du XVIe siècle. P., 1953. P. 241–300.
- ²⁸ “Voyant cette écriture ils [les huguenots] diront en courroux: / Et quoi de gentil sot écrit donc contre nous! [...] / Avant qu'il soit long temps on lui rendra son change / Comme à Villegagnon qui ne s'est bien trouvé / D'avoir ce grand Calvin au combat éprouvé”. *Ronsard P.* Remontrance au peuple de France (1562–1563) // Le Moine R. Op. cit. P. 211.
- ²⁹ См. примеч. 23.
- ³⁰ “Et quoi? l'exemple mémorable / Du Chevalier Villegagnon / Qui pour la faute moindre ou semblable / Fut changé en vieil quénon, / Ne t'a point fait devenir sage / Sans m'en donner la peine à ton dommage”. *Anonyme.* Soudaine métamorphose de Mons. Pierre de Ronsard en messire Rossard (между 1560 и 1577 гг.) // Le Moine R. Op. cit. P. 246.
- ³¹ “...Il vaut mieux hors France les jeter, / Avec Villegagnon, pour terres conquister / Pendant notre pays de telles gens délivre”. *Anonyme.* Aux papistes (1556–1560) // Ibid. P. 229.
- ³² “Tu fus par ci-devant la fidèle trompette / Qui ce monde Antarctique sommas à notre foi, / Et n'eût été le Traître à Dieu et à son Roi, / La conquête sans glaive en était toute faite”. *Anonyme [Pierre Poupo?]*. A Jean de Léry (1585) // Ibid. P. 242; см. также *Léry J. de.* Op. cit. P. 54. “Un Traître a le Brésil ôté / Au Français, prodiguant sa foi. / Tu y a remède apporté / Ta Muse le tire avec toi”. *N.D.B.* A l'auteur même [Jean de Léry], 1599 // Le Moine R. Op. cit. P. 169; см. также *Léry J. de.* Op. cit. P. 58.
- ³³ Ibid. P. 506.
- ³⁴ Цит. по: *McGrath J.* Op. cit. P. 396, n. 33.
- ³⁵ “Malheur est bon (dit-on) à quelque chose / Et des forfaits naissent de bonnes lois / De ce, Léry, l'on voit à cette fois / Preuve certaine en ton Histoire enclose. / Fureur, mensonge et la guerre dispose / Villegagnon, Thevet et le François / A retarder de ta plume la voix / Et le discours tant beau qu'elle propose”. *Anonyme.* A Jean de Léry sur son Histoire de l'Amérique // Le Moine R. Op. cit. P. 232; *Léry J. de.* Op. cit. P. 53.
- ³⁶ *Léry J. de.* Sonnet de l'auteur (1599) // Ibid. P. 56.
- ³⁷ Carta do P. Manuel da Nóbrega ao Cardeal Infante D. Henrique. S. Vicente, 1 de junho de 1560 // Leite S. Monumenta Brasiliae. Roma, Monumenta historica societatis Iesu, 1958. Vol. III. P. 244–245; Carta de Mem de Sá para a Rainha D. Catarina; S. Vicente, 17 de Junho de 1560. Цит. по: *D. Barbosa Machado.* Memórias para a história de Portugal que comprehendem o governo d'El-Rei D. Sebastião. Lisboa, 1736. T. 1. P. 440–441.
- ³⁸ Carta de João Pereira Dantas, de 10 de Janeiro de 1563. Цит. по: *Oliveira Belchior E. de.* Conquistadores e povoadores do Rio de Janeiro. Rio de Janeiro, 1965. P. 501. О примере трактовки письма Перейры Дантеша как весьма негативного по отношению к Вильгальону см.: *Laborie J.-C.* Le Huguenot au Brésil à travers les documents portugais (1560–1584) // Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français. Juillet-septembre 1998. T. 144. P. 577–578. Note 24.

- ³⁹ *Anchieta J. de. Informação do Brasil e de suas capitánias (1584). São Paulo, 1964. P. 24–25.*
- ⁴⁰ *Laborie J.-C. Op. cit. P. 585, 587–588.* Впрочем, изменение тональности отзыва – это не единственный способ засвидетельствовать, что “гроза прошла стороной”. Чаще всего по мере ослабления “французской угрозы” любые сведения о французах просто исчезают из иезуитских отчетов, как если бы их никогда и не было, при том, что французское присутствие еще не полностью ликвидировано. Об этом красноречиво свидетельствует издание писем иезуитов из Бразилии XVI в. в пяти томах, осуществленное видным историком и членом Ордена иезуитов С. Лейте. – *Leite S. Monumenta Brasiliae. Roma, 1956–1968. Vol. 1–5.*
- ⁴¹ *Помбу Р. История Бразилии. М., 1962. С. 95.*
- ⁴² *Lestringant F. Villegagnon: entre la légende noire et la légende dorée. P. 177–182.*
- ⁴³ Написание этой части имени описываемого персонажа весьма разнится (кроме того, оно известно в основном из португальских источников). В протоколах допросов португальской инквизиции сам Коинта подписывался как *Des Boullez*, хотя в материалах дела его обозначают также как “*de bolles*”, “*desboulest*”, “*des boulest*”. (*Processo de João de Bolés // Annaes da Biblioteca nacional do Rio de Janeiro. Rio de Janeiro, 1903. Vol. 25. P. 269, 272, 276, 264, 267.*) Наиболее распространенным вариантом обозначения остается все же “*de boles*” или “*bolés*”: такое написание преобладает как в материалах судебного процесса по обвинению Коинты в ереси, так и в отчете о деятельности генерал-губернатора М. де Са, где идет речь о взятии “Антарктической Франции”. (*Instrumento dos serviços de Mem de Sá // Annaes da Biblioteca nacional do Rio de Janeiro. 1905. Rio de Janeiro, 1906. Vol. 27. P. 134–216.*)
- ⁴⁴ Показания Ж. Коинты в присутствии епископа Бразилии (Салвадор, 22 июня 1561 г.) (*Processo de João de Bolés... P. 255.*)
- ⁴⁵ В письмо своему недоброжелателю епископу Бразилии Коинта не без претенциозности говорит об этом так: “Узнав, что Ваша милость уделяет большое внимание вопросу, обучен ли я наукам и если да, то священным или светским, я решил ответить сам, чтобы избавить вас от этой работы. Знайте, что я всегда считал себя дворянином и полагаю зазорным называться просто образованным (*letrado*), как это делают здесь [в Бразилии]; хотя я и потратил детство и отрочество на обучение наукам, тем не менее молодость моя прошла в битвах, для которых я был рожден (...) [С тех пор, как] я вошел в возраст, в руках я всегда держал книгу или меч. Я не учился наукам, чтобы зарабатывать с их помощью; светские науки я постигал для собственного удовольствия, священные же – по велению совести (...) Побывав во Франции, Испании и Италии, я ни разу не нашел того, кто сравнился бы со мной в грамматике, риторике, диалектике, логике, физике и философии. Никто не мог превзойти меня и в глубине Священного Писания, и в практической теологии. Если в прошлый раз я сказал, что не являюсь теологом, то для того, чтобы не вступать в спор и не усложнять дело; я не отрицал, что не знаю Библии, но хотел сказать, что хотя и невысоко ценю спорные и запутанные вопросы, я не переставал всю жизнь читать и дополнять комментарии древних докторов – еврейских, греческих и латинских. И хотя Ваша милость сочла меня в этих вопросах не слишком сведущим (...), я еще раз хочу объявить о своих познаниях в этой области (...).” Письмо Ж. Коинты епископу Бразилии (Салвадор, 26 августа 1561 г.) (*Processo de João de Bolés... P. 265–266.*)

- ⁴⁶ Показания Ж. Коинты в присутствии епископа Бразилии (Салвадор, 22 июня 1561 г.) (Ibid. P. 255.)
- ⁴⁷ Показания Ж. Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 16 ноября 1563 г.) (Ibid. P. 273.)
- ⁴⁸ *Léry J. de*. Op. cit. P. 166–167.
- ⁴⁹ Ibid. P. 189–190.
- ⁵⁰ Ibid. P. 185.
- ⁵¹ Ibid.
- ⁵² “...Среди тех, кого Вильганьон выгнал со своего острова как нахлебников, был и Коинта (<...> У него было время подумать о зле, которое принесли его амбиции: его лишил всего тот, от кого он хотел получить наибольший почет и уважение; и вот его бросили на берегу вместе с дикарями как никчемного человека. Он вздыхает, ропщет и проклинает тот день и час, когда познакомился с Вильганьоном”. *Crespin J. Histoire des martyrs* (édition de 1597). P. 403.
- ⁵³ Показания Ж. Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 16 ноября 1563 г.) (Processo de João de Bolés... P. 273.)
- ⁵⁴ Единица административно-территориального деления Бразилии в XVI в. под управлением капитана, обладавшего исполнительной и судебной властью и подчинявшегося, в свою очередь, генерал-губернатору.
- ⁵⁵ Иск Ж. де Болеса о признании его заслуг (процесс Лиссабонской инквизиции № 1568) (Processo de João de Bolés... P. 299.)
- ⁵⁶ Свидетельство М. де Са (Instrumento dos serviços de Mem de Sá... P. 134.)
- ⁵⁷ Показателен в этой связи фрагмент свидетельства Гильермо де ла Порта (Гийома де ла Порт), знакомого с Коинтой: в документах, подготовленных епископом Бразилии и имеющих явный обвинительный уклон, слова этого свидетеля о причинах разногласий с Вильганьоном интерпретируются следующим образом: Вильганьон возвел крест в своей крепости и под страхом смертной казни повелел всех ему поклоняться, что для лютеранина Коинты было неприемлемо. (Показания Гильермо де ла Порта перед епископом Бразилии (Салвадор, 24 июля 1560 г.) (Processo de João de Bolés... P. 250.) Все же последующие показания Коинты и привлеченных им свидетелей-французов направлены на то, чтобы доказать, что во время пребывания в “Антарктической Франции” он был католиком, а период увлечения протестантскими взглядами пришелся на более позднее время. Здесь также фигурирует имя Г. де ла Порта, с объяснениями, при каких обстоятельствах он мог слышать высказывания Коинты в пользу учения Кальвина. – См., в частности: Признание грехов перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, после 11 ноября 1563 г.) (Ibid. P. 271.)
- ⁵⁸ Иск Ж. де Болеса о признании его заслуг (процесс Лиссабонской инквизиции № 1568) // Ibid. P. 298, 303, 305; Показания Ж. Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 16 ноября 1563 г.) (Ibid. P. 273.)
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Ibid. P. 273–274.
- ⁶¹ Интересно в этой связи стилистическое оформление фрагмента показаний Коинты: “[Он удалился вместе со своими людьми на материк и оставался там шесть или семь месяцев], и *поскольку корабль сильно задерживался* и глава колонии французов сговорился с индейцами (<...> [Коинта] вернулся в форт и заявил капитану (<...>)”. – Ibid. P. 273. Курсив мой. – О.О.
- ⁶² См., в частности, свидетельство Луиша да Косты: Instrumento dos serviços de Mem de Sá. P. 182.

- ⁶³ Имеется в виду одноименное капитанство или залив Гуанабара, также называемый Рио-де-Жанейро, но не город, с которым это название ассоциируется сейчас; город был основан португальцами лишь в 1565 г., через пять лет после падения “Антарктической Франции”.
- ⁶⁴ Показания Коинты перед трибуналом инквизиции (Лиссабон, 10 февраля 1564 г.) (Processo de João de Bolés... P. 285.)
- ⁶⁵ Письменный ответ Де Буле на официальное обвинение (Лиссабон, после 10 и до 18 февраля 1564) (Ibid. P. 288.)
- ⁶⁶ “[Королева-регентша] ответила мне, что один из моих предшественников на посту посла в Португалии ей сказал, что Вильганьон был изгнан из Франции и не осмеливался туда возвращаться, и что покойный король [Генрих II], Ваш досточтимый отец, не заботился ни о нем, ни о его крепости... Все эти отговорки здесь в большом ходу, на них опираются как на посох”. (Lettre de J. Nicot au roi (Lisbonne, 12 avril 1561) // Jean Nicot, ambassadeur de France en Portugal au XVIe siècle: sa correspondance diplomatique inédite / Ed. E. Falgairolle. P., 1897. P. 126.) О том, что предприятие Вильганьона на самом деле было санкционировано Генрихом II, а затем мандат главы “Антарктической Франции” был подтвержден Франциском II, см. выше в данной статье.
- ⁶⁷ Письменный ответ Де Буле на официальное обвинение (Лиссабон, после 10 и до 18 февраля 1564) (Processo de João de Bolés... P. 288.)
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid. P. 290.
- ⁷⁰ *Le Gentil G.* Le mouvement intellectuel au Brésil // Bulletin hispanique. 1932. Vol. 34, № 1. P. 63; *Oliveira Belchior E. de.* Conquistadores e povoadores do Rio de Janeiro. P. 126.
- ⁷¹ *Révah I.S.* João Cointa, sieur des Boulez, exécuté par l’Inquisition de Goa en 1572 // Annali – Sezione romanza dell’Università degli studi di Napoli “l’Orientale”, 1960. Vol. 2, fasc. 2. P. 71–75.
- ⁷² Речь идет о самоидентификации через противопоставление себя врагу и о символическом “восполнении” целостности общины после насильственной смерти одного из ее членов во вражеском плену. Подробнее о социальной роли войны и ритуальной антропофагии у тупи см.: *Fernandes F.* A função social da guerra na sociedade tupinambá. São Paulo, 1970 (первое издание – 1952); *Carneiro da Cunha M.L., Viveiros de Castro E.B.* Vingança e temporalidade: os tupinambá // Journal de la société des américanistes. P., 1985. T. LXXI. P. 191–208.
- ⁷³ *Thevet A.* Les singularités de la France Antarctique, autrement nommée Amérique, et de plusieurs terres et îles découvertes de notre temps. Par F. André Thevet, natif d’Angoulême // Le Brésil d’André Thevet. Les Singularités de la France Antarctique (1557) / Ed. F. Lestringant. P., 1997. P. 158, 159.
- ⁷⁴ [*Crignon P.*] Discours d’un grand navigateur du port de Dieppe en France, sur les voyages faits aux terres nouvelles des Indes Occidentales, dans la partie appelée la Nouvelle France, depuis le 40e jusqu’au 47e degré, sous le pôle arctique, aux terres du Brésil, de la Guinée et aux îles de Saint-Laurent et de Sumatra, jusqu’où sont parvenus les caravelles françaises // Estancelin L. Recherches sur les voyages et découvertes des navigateurs normands en Afrique, dans les Indes orientales et occidentales. P., 1832. P. 232.
- ⁷⁵ L’Entrée de Henri II, roi de France, à Rouen, au mois d’octobre 1550. Imprimé pour la première fois, d’après un manuscrit de la bibliothèque de Rouen. Orné de dix planches gravées à l’eau forte par Louis de Merval. Accompagné de notes

- bibliographiques et historiques par S. de Merval. Rouen, 1868. F. XVIII. См. также: France et Brésil: catalogue d'une exposition organisée par les Archives Nationales de France (24 mai – 27 juin 1955). P., 1955. P. 32.
- ⁷⁶ *Thevet A.* Op. cit. P. 158.
- ⁷⁷ *Ibid.* P. 158, 159.
- ⁷⁸ [*Barré N.*] Op. cit. P. 384–385.
- ⁷⁹ Carta de Mem de Sá para a Rainha D. Catarina; S. Vicente, 17 de Junho de 1560. Цит. по: *D. Barbosa Machado.* Op. cit. P. 441.
- ⁸⁰ *Léry J. de.* Op. cit. P. 467.
- ⁸¹ Весьма убедительные доказательства в пользу этого приводит комментатор и издатель свидетельства Э. Найвета И. Мендеш душ Сантуш: *Knivet A.* Admirables aventures et singulières infortunes d'Anthony Knivet qui accompagna Master Thomas Cavendish dans son second voyage aux Mers du Sud (1591) // *Un aventurier Anglais au Brésil; les tribulations d'Anthony Knivet (1591).* P., 2003. P. 106, 253.
- ⁸² См., в частности: *L. de Pézieu.* Brief recueil des particularitéz contenues aux lettres enuoyees par Monsieur de Pezieu à Messieurs ses parents et amis de France, de l'isle de Marignan au Brezil, où il est encore à présent, pour le service de sa Majesté Tres Chrestienne Louys XIII, par la Grace de Dieu, Roy de France et Nauarre. Lyon, 1613. P. 13; *Evreux Y. d'.* Suite de l'Histoire des choses plus mémorables advenues en l'île de Maragnan es années 1613 et 1614 // *Voyage au nord du Brésil fait en 1613 et 1614 /* Ed. H. Clastres. P., 1985. P. 69, 77.
- ⁸³ *Ibid.* P. 135, 76, 112, 108, 261.
- ⁸⁴ *Ibid.* P. 55–56.
- ⁸⁵ Показания индейца Себастьяна. – Carta del presidente de la Española con testimonio de una información del Capitán Martín Suarez Moreno que fue a examinar el Río Marañon, por orden del Gobernador del Brasil. Santo Domingo, 15 diciembre 1613 // *Annaes da Biblioteca Nacional do Rio de Janeiro.* Rio de Janeiro, 1905. Vol. 26. 1904. P. 178–179.
- ⁸⁶ Свидетельство индейца Балтазара. (*Ibid.* P. 174.)
- ⁸⁷ *Hemming J.* Red Gold. The Conquest of Brazilian Indians (1500–1760). Cambridge (Mass.), 1978. P. 214–216.